

Спустя несколько часов, так ничего и не добившись в результате поисков, Шин велела команде 4 найти относительно неповрежденное здание, где можно было бы разбить лагерь. Они нашли небольшой дом, крыша которого немного провалилась, но стены были целы. На самом деле дом удивительно хорошо сохранился по сравнению с другими домами, которые они видели. На стенах даже сохранились семейные фотографии. Молодой человек лет двадцати с кроваво-красными волосами стоял рядом с невысокой женщиной с такими же рыжими волосами и веснушками, которая держала на руках младенца.

Укрепив крышу земляными стенами, команда 4 уселась за стол и принялась за ужин. Варай все время смотрела на фотографии, и в конце концов с ее уст сорвался кроткий вопрос: "Как вы думаете, они... ну, знаете..."

Шин, стоявшая в углу и читавшая свиток с заданием, быстро заставила ее замолчать: "Сейчас не время, Варай. Сейчас ты должна думать только о задании".

И хотя Шин не ответила на ее вопрос, все трое, похоже, пришли к одному и тому же выводу. Каждый из них прочитал тихую молитву за погибшую семью и по очереди заступил на вахту.

Пока Тэцу дежурил, Кэннину стало любопытно, ведь здесь когда-то жил его родственник, и он подошел к комоду в задней комнате в поисках чего-нибудь интересного. Одежда нашлась, "ничего удивительного". Но когда он перекладывал одежду, то услышал слабое похрустывание бумаги. Джекпот!

"Что ты там делаешь, Кэннин?" - услышал он голос Шин.

"Расследую!"

"Нашел что-нибудь интересное?"

"Кажется, я только что нашел свиток".

Мгновенно появившись рядом с ним, Шин сказала ему: "Покажи мне".

Под бельем действительно был спрятан свиток. Он был около фута в ширину и пару дюймов в диаметре. Края были украшены алыми полосами. Сама бумага была запечатана сургучной печатью в виде герба Узумаки. Шин попыталась открыть ее, но, похоже, на печати было какое-то запечатывающее дзюцу.

"Я не могу открыть его. Придется забрать ее с собой и надеяться, что Кушина знает, как она работает".

Кэннин на мгновение задумался и сказал: "Может, моя мама знает. Она жила здесь до переезда в Коноху".

"А твоя мама знает о техниках запечатывания клана Узумаки?"

Кэннин хотел что-то сказать, но понял, что не имеет ни малейшего представления. Он никогда не видел, чтобы его мама выполняла даже самые простые дзюцу.

"Я не знаю" - подумав еще немного, Кэннин сказал: "Погоди-ка, а какие техники запечатывания?"

"Неужели мама ничего не рассказывала тебе о клане Узумаки?"

Кэннин почесал голову и ответил: "Все, что она мне сказала, это то, что у нас должны быть рыжие волосы и что мы пришли из Узушиогакуре".

"Это не совсем верно, парень. До того, как это место было разрушено, Узумаки было гораздо больше - и во время войны они были угрозой на поле боя. У них никогда не кончалась чакра, они исцелялись от ран в рекордно короткие сроки, а те, кто знал секретные техники запечатывания, были поистине потрясающими зрелищем" - Шин повернулась к Кэннину и прямо сказала ему: "Когда дело доходит до запечатывания, Узумаки - лучшие в мире. Или были ими, я думаю".

Кэннину потребовалось время, чтобы переварить полученную информацию. Почему мать так мало рассказывала ему о его клане и семье? Но другая часть слов Хараказе давала ему надежду на то, что, повзрослев, он станет очень сильным!

Он спросил у Шин: "Как вы думаете, смогу ли я научиться техникам своего клана?"

"Это зависит от того, будет ли тебя учить мама. А может, тебя научит Кушина, я слышал, что она очень хороша".

Шин убирала свиток, когда Кэннин спросил: "А можно мне еще раз посмотреть?"

Не найдя ничего плохого в том, чтобы дать ребенку взглянуть на него, Шин протянула ему свиток.

Кэннин провел рукой по бумаге, впитывая замысловатые узоры по краям, и любовался гербом, впечатанным в печать. Проводя пальцами по сургучу, он выпустил в печать немного своей чакры, и она растаяла.

Увидев это, Шин тут жехватила ее и проворчал "Как ты это сделал?".

«Я не знаю. Я просто вложил в него часть своей чакры».

Шин нахмурила брови и развернула свиток, впитывая содержащуюся в нем информацию.

“Что там написано, сэнсэй?”

“Первая половина — это основной дневник женщины, которая жила здесь, ее распорядка дня, того, с кем она встречалась изо дня в день и т. д. Но он резко меняет фокус и иллюстрирует какую-то специальную технику, включающую цепи из адамантина. Кажется, это дзюцу. Но это эксклюзивно для Узумаки. Я посмотрю, смогу ли я отдать его Кушине, когда мы вернемся”.

Варай прервала ее: “Вы знаете Хабанеро, сенсей?”

“Я бы не сказала, что мы друзья, но мы знакомы” - сказав это, она вернула свиток Кэннину, чтобы показать ему технику: “Ты думаешь, что сможешь сделать что-нибудь из этого?”

Каннин потратил некоторое время, чтобы перечитать свиток. Как сказала Шин, первая часть представляла собой обычный дневник. Однажды она пошла за продуктами и нашла потерявшуюся собаку. На другой день она родила сына, которого назвала Фусиги. Другая запись подробно описывает его первое свидание.

С каждой записью в дневнике лицо Кэннина все больше опускалось, зная, что такая яркая и добрая жизнь, вероятно, была загублена войной. Это разозлило его не только из-за того, что она была его родственницей, но и из-за ребенка, которому не могло быть больше четырех лет, когда Узушиогакуре был уничтожен, учитывая даты в записях.

Он покачал головой и на мгновение отложил эти мысли в сторону, а затем посмотрел на вторую половину, в которой действительно подробно описывалось особое дзюцу, уникальное для некоторых членов клана Узумаки, которое позволяло им создавать адамантиновые цепи, которые можно было использовать для ряд целей, главной из которых было запечатывание вещей или даже внутри себя. Думая о Кушине, он согласился, что ей нужно это увидеть. Будучи джинчуурики Девятихвостого, этот тип техники был бы неоценимым для контроля над биджу.

Тем временем он сказал Шин, что постарается изучить хотя бы базовые формы техники. Но к тому времени уже стемнело, так что ему придется начинать как минимум на следующий день.

<http://tl.rulate.ru/book/104345/3653191>